

Михаил Пришвин - Жень-шень

Жень-шень

После окончания русско-японской войны я выбрал трехлинейку получше и отправился из Маньчжурии в Россию. Довольно скоро перешел русскую границу, перевалил какой-то хребет и на берегу океана встретился с китайцем, искателем жень-шеня. Лувен приютил меня в своей фанзе, укрытой от тайфунов в распадке Зусу-хэ, сплошь покрытом ирисами, орхидеями и лилиями, окруженном деревьями невиданных реликтовых пород, густо обвитыми лианами.

Из укромного места в зарослях маньчжурского ореха и дикого винограда довелось мне увидеть чудо приморской тайги — самку пятнистого оленя Хуа-лу (Цветок-олень), как называют ее китайцы. Ее тонкие ноги с миниатюрными крепкими копытцами оказались так близко, что можно было схватить животное и связать. Но голос человека, ценящего красоту, понимающего ее хрупкость, заглушил голос охотника. Ведь прекрасное мгновение можно сохранить, если только не прикасаться к нему руками. Это понял родившийся во мне едва ли не в эти мгновения новый человек. Почти сразу же, будто в награду за победу над охотником в себе, я увидел на морском берегу женщину с привезшего переселенцев парохода.

Глаза ее были точь-в-точь как у Хуа-лу, и вся она как бы утверждала собой нераздельность правды и красоты. Ей сразу же открылся во мне этот новый, робко-восторженный человек. увы, проснувшийся во мне охотник чуть было не разрушил почти состоявшийся союз. Снова заняв покоряющую все высоту, я рассказал ей о встрече с Хуа-лу и как преодолел искушение схватить ее, а олень-цветок как бы в награду обернулся царевной, прибывшей стоящим в бухте пароходом. Ответом на это признание был огонь в глазах, пламенный румянец и полузакрытые глаза. Раздался гудок парохода, но незнакомка будто не слышала его, а я, как это было с Хуа-лу, замер и продолжал сидеть неподвижно. Со вторым гудком она встала и, не глядя на меня, вышла.

Лувен хорошо знал, кого от меня увез пароход. На мое счастье, это был внимательный и культурный отец, ведь суть культуры — в творчестве понимания и связи между людьми: «Твой жень-шень еще растет, я скоро покажу его тебе».

Он сдержал слово и отвел в тайгу, где двадцать лет назад был найден «мой» корень и оставлен еще на десять лет. Но изюбр, проходя, наступил на голову жень-шеня, и он замер, а недавно вновь начал расти и лет через пятнадцать будет готов: «Тогда ты и твоя невеста — вы оба снова станете молодыми».

Занявшись с Луваном очень прибыльной добычей пантов, я время от времени встречал Хуа-лу вместе с ее годовалым олененком. Как-то сама собой пришла

мысль одомашнить пятнистых оленей с помощью Хуа-лу. Постепенно мы приучили ее не бояться нас.

Когда начался гон, за Хуа-лу пришли и самые мощные красавцы рогачи. Драгоценные панты добывались теперь не с такими, как прежде, трудами и не с такими травмами для реликтовых животных. Само это дело, творимое в приморских субтропиках, среди несказанной красоты, становилось для меня лекарством, моим жень-шенем.

В своих мечтах я хотел, кроме приручения новых животных, «европеить» работавших со мной китайцев, чтобы они не зависели от таких, как я, и могли постоять за себя сами.

Однако есть сроки жизни, не зависящие от личного желания: пока не пришел срок, не создались условия — мечта так и останется утопией. И все же я знал, что мой корень жень-шень растет и я своего срока дождусь. Не надо поддаваться отчаянию при неудачах. Одной из таких неудач было бегство оленей в сопки. Хуа-лу как-то наступила на хвост бурундуку, лакомившемуся упавшими из ее кормушки бобами. Зверек вцепился зубами ей в ногу, и олениха, обезумев от боли, ринулась в сторону, а за ней все стадо, обрушившее ограждения. На развалинах питомника как не думать, что Хуа-лу — ведьма, поманившая своей красотой и превратившаяся в прекрасную женщину, которая, как только я ее полюбил, исчезла, повергнув в тоску. Едва же я начал справляться с ней, творческой силой разрывая заколдованный круг, как Хуа-лу порушила все это.

Но все эти мудрствования всегда разбивает сама жизнь. Вдруг вернулась со своим олененком Хуа-лу, а когда начался гон, пришли за ней и самцы.

Минуло десять лет. Уже умер Лувен, а я все еще был одинок. Питомник рос, богател. Всеми свои сроки: в моей жизни вновь появилась женщина. Это была не та женщина, которая когда-то появилась, как обернувшаяся царевной Хуа-лу, Цветок-олень. Но я нашел в ней собственное мое существо и полюбил. В этом и есть творческая сила корня жизни: преодолеть границы самого себя и самому раскрыться в другом. Теперь у меня есть все; созданное мной дело, любимая жена и дети. Я один из самых счастливых людей на земле. Однако временами беспокоит одна мелочь, ни на что не влияющая, но о которой надо сказать. Каждый год, когда олени сбрасывают старые рога, какая-то боль и тоска гонит меня из лаборатории, из библиотеки, из семьи. Я иду на скалу, из трещин которой вытекает влага, будто скала эта вечно плачет. Там в памяти воскресает прошлое: мне видится виноградный шатер, в который Хуа-лу просунула копытце, и боль оборачивается вопросом к каменному другу-скале или упреком себе: «Охотник, зачем ты тогда не схватил ее за копытца!»

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).